

О ПОТЕМКИНОЙ О. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОТЕМКИНА Ольга Владимировна, родилась в 1899 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию, проживала на юге, с 1921 — проживала в Петрограде, служила секретарем в Комиссии улучшения быта ученым (КУБУ). 12 апреля 1924 — арестована в Петрограде по обвинению в «контрреволюционной деятельности» и заключена в тюрьму¹.

В июле 1924 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась с мольбой ее мать, Елизавета Николаевна Потемкина².

<1 июля 1924>

«Я много слышала о Вашей доброте и отзывчивости на просьбу несчастных, обращающихся к Вам, обратите Ваше благосклонное внимание на мою слезную мольбу, умоляю Вас, спасите и освободите мою юную единственную дочь, она арестована 12-го апреля. Скоро три месяца, как томится неповинная жертва, она арестована за то, что она племянница В.Н. Коковцева, и при аресте нашли заграничную переписку, но не с ним, он нам не пишет, а с моей старшей дочерью, которая давно уехала, и с подругой из Берлина. Разве за родство можно карать, чем она виновата, что он мой брат, и заграничная переписка нам разрешена, в письмах нет ни одного слова о политике, только семейные дела. Ни моя дочь и никто из моей семьи ни к какой партии, ни к какой организации никогда не принадлежали и не принадлежим, единственный мой сын служит у советской власти, командует миноносцем в Владивостоке, и прошлое лето тов<а-рищ> Каменев был на его миноносце и с ним выходил в море. Моя арестованная дочь Ольга Владимировна Потемкина тоже все время служила на советской службе <в> К<омиссии> у<стройства> б<ыта> у<ченых>, Лимонная, 27, и своею службою кормит меня, престарелую мать, мне 67 лет, и <я> очень плохого здоровья. Со дня ее ареста я осталась совершенно одинокой, без всяких средств существования, так как она была моя единственная поддержка и на ее жалованье и на продажу вещей, которую в данную минуту уже все проели, мы с ней очень скромно существовали. Умоляю Вас, окажите Ваше могущественное содействие, освободите и спасите ее, оградите ее от всякого рода выселения и дайте мне спокойно умереть, так как мне предстоит очень серьезная операция, и, если только ее вышлют, то это будет равносильно моей смерти, так как кроме нее у меня никого нет, кто бы похоронил мои старые кости. До сих пор она томится в заключении, и все мои хлопоты тщетны, после 2-х месяцев лишь разрешили первое свидание. За что страдает юная неповинная жизнь, брошенная <в> общий поток совершенно незаслуженно, ведь должна же быть справедливость, истина у советской власти, <к> этой справедливости взываю я <в> Вашем лице. Умоляю, освободите и спасите, и верните мне мою дочь, она болезненного, слабого здоровья, у нее туберкулез легких, я подала медицинское свидетельство прокурору Никитину. Она два месяца была без прогулок, <в> одиночном заключении, ее здоровье очень пошатнулось, она неузнаваема, исхудала и сильно кашляет. Она давно уже больна туберкулезом, ей 26 лет, и вследствие слабого здоровья очень долго жила на юге, так что она дядю своего уже не видала. Я мать и когда вернулась теперь сюда, он был давно уже вне Петр<ограда>. Какое же преступление могут ей вменить. Будьте так милостивы, напомните тов<а-рищу> Каменеву о моей дочери и скажите ему, что она сестра того В. В. Потемкина <во> Владивостоке, с которым он выходил в море и остался

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² Письмо написано в старой орфографии, приводится в современной.

доволен и командой, и порядком на миноносце. У меня нет ни слов, ни уменья, чтобы выразить Вам вопль наболевшей моей души, умоляю только, освободите и спасите ее ради старухи матери.

Елизавета Николаевна Потемкина.

Бассейная, 21, кв. 4
Петроград, Ленинград»³.

1 августа 1924 — Ольга Владимировна Потемкина была освобождена из заключения с ограничением проживания на 2 года (-6)⁴. В сентябре 1924 — к Екатерине Павловне Пешковой вновь обратилась ее мать, Елизавета Николаевна Потемкина.

<25 августа 1924>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам вновь <с> покорнейшей просьбою, будьте так милостивы, оказать Ваше могущественное содействие, спасти и освободить мою единственную дочь от высылки. Она просидела более 4-х месяцев, ни в чем неповинная молодая девушка, ее приписали делу Васильева-Костякова. Она первого знает, как служащего по Кубу, где она служила три года, а второго она видела на службе изредка, где он тоже служил. Я два месяца тому назад обращалась в Ваш Политический Крест, просила Вашей защиты, но не знаю, дошла ли до Вас моя слезная мольба. Это глубоко несправедливый арест моей дочери, ее взяли вследствие гнусного доноса по службе — коллективом. Она должна была быть сокращенной по службе, но ее начальство, зная, какая она исполнительная и хорошая работница, и видя мое тяжелое положение, я полуслепая, болезненная и находилась на ее иждивении, не имею других средств существования, отстояло ее от сокращения. И то лицо, которое ее желало сместить, сводило личные счеты с начальством, результатом которого явилась моя дочь, на нее был написан донос, который опирался на ее родство. Моя дочь — племянница Владимира Николаевича Коковцева, это мой родной брат, но вот он никогда не был преступником родных, и при том она не видела своего дядю более 9 лет, так как она по слабости здоровья, у нее туберкулез легких, жила на юге, а когда вернулась в Петроград, то дядя был уже его; кроме того при обыске взяли заграничную переписку. Там живет моя старшая дочь, уже более трех лет живет за границей, и подруга также в Берлине, но все письма <были> семейного характера. Умоляю Вас, войдите в мое тяжелое безвыходное положение, у меня умирает старшая дочь от туберкулеза легких, оставляя двух детей, я полуслепая, 67 лет, и со дня ареста моей дочери я продала все, что только могла, и теперь осталась без всяких средств. И даже в ссылку на 2 года я с ней ехать не могу, имея на руках больную умирающую дочь. И я обращалась через моего знакомого Каменева и просила Вас <в> моем письме освободить мою дочь. Я слышала, что Вы очень добрая, отзывчивая душа, умоляю Вас, спасите и избавьте мою дочь от высылки, ее выселение равносильно, что мне умереть на панели. Моя дочь никакой политике, никакой организации не принадлежала, и только жертва гнусного, лживого доноса. Ей только 25 лет, ее зовут Ольга Владимировна Потемкина. Еще раз умоляю Вас, спасите и освободите от высылки, Вас Господь вознаградит за меня, больную старуху и моих сирот; буду надеяться, что Вы не останетесь глухи <к> моей слезной мольбе.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 42. С. 102-103. Автограф.

⁴ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Уважающая Вас Елизавета Николаевна Потемкина.

Петроград, Бассейная 21, кв. 4»⁵.

Ольга Владимировна Потемкина поселилась в Новгороде, весной 1926 — после освобождения вернулась в Ленинград⁶. В конце 1920-х — вновь была арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь⁷. Позднее по ходатайству Помполита лагерь был заменен ссылкой на оставшийся срок; поселилась в Ростове Ярославской области. В мае 1932 — досрочно освобождена из ссылки с ограничением проживания на 2 года (-12)⁸. Выехала к брату во Владивосток. В конце 1934 — освобождена, вернулась в Ленинград⁹. 3 марта 1935 — арестована, 23 марта выслана в село Атбасар Актюбинской области¹⁰, в июле по ходатайству Помполита переведена в Орск (ссылка заменена на -15)¹¹.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 42. С. 105-106. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 59. С. 79; Д. 87. С. 198-201.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 616. С. 44-45.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 744. С. 45-48; Д. 804. С. 9-15; Д. 843. С. 109-114.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 980. С. 115, 117-122.

¹⁰ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1373. С. 100-104.